

Владимир Короленко

Таланты



Владимир Короленко

Таланты

«Public Domain»

1927

Короленко В. Г.

Таланты / В. Г. Короленко — «Public Domain», 1927

«Да, что такое в самом деле талант? И может ли глупец быть талантливым человеком? Несомненно, может. Талант, по чьему-то (может быть, и моему собственному) выражению, часто похож на драгоценный груз, который судьба возложила на спину осла...»

Содержание

Таланты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

В. Г. Короленко

Таланты

Таланты

– Талант, талант... Что такое в самом деле талант?.. Вот вы, господин артист, можете нам это объяснить?

– Да, да... Ну вот, Илья Андреевич, – объясните в самом деле... – лениво поддержал другой собеседник...

– Гм, – отозвался Илья Андреевич, откашливаясь и наливая чай из полуостывшего самовара... – Слово латинское... А смысл глубокий... У нас, скажу вам, в труппе, из-за этого слова раз большая потасовка вышла.

– Да?..

– Именно да.

– Ну, и расскажите... Господи, скука какая...

– Рассказать можно... Действительно скука... И еще... посмотрите в окно... Кажется, опять дождь...

В окна стучало что-то серое, – дождь или снег, – разобрать было трудно. По стеклам тихо стекали слезливые струйки...

– Помрем мы здесь, в этом проклятом «трактире». Ну, рассказывайте, что ли...

– Да ведь что... и рассказывать почти нечего...

Говорил это господин с плохо выбритым, несколько одутловатым лицом, обличавшим актера. Разговор происходил в сельском трактире с вывеской: «Трактир Вена с горячими напитками». Трактир стоял на горке над небольшой рекой, притоком Волги, и его теперь со всех сторон било ветром, дождем и изморозью. Внизу, в долинке, сиротливо ютилась деревенька. В окна в одну сторону виднелась река Сура, еще покрытая некрепким льдом, в другую – большая дорога из уездного города N на Симбирск. Дорога сбегала полого вниз, терялась из виду за косогором и потом из глубокого оврага тяжело подымалась на довольно крутой лесистый склон грязной, раскисшей лентой. Кругом по черному пару лежали пятна «изнывающего» снега. Висело низкое небо, тяжело носились вороны. Было еще рано, но казалось, что уже вечерет...

В деревенском придорожном трактире, по какому-то капризу хозяйской фантазии названном «Веной», уже третий день праздно проживала компания из трех человек. Илья Андреевич, довольно известный провинциальный актер, человек, видимо, усталый от беспоконной профессии, несколько потертый, с низким грудным хриловатым голосом. Ему нужно было спешить в Симбирск, к началу осеннего сезона, но задержала распутица. Его собеседники были: молодой изящный блондин с умным лицом, светлой зарослью и красивыми синими глазами. Это был богатый человек, мечтавший о литературной профессии, но пока печатавший только стихи в местном губернском органе... Он больше лежал в постели, часто зевал, но вообще держался с достоинством. Третий – маленький человечек, с видимым расположением к полноте, с породистым нерусским лицом, лысый, с толстыми усами над очень полными пунцовыми губами, – на первый взгляд производил впечатление несколько комическое. Он был очень нервен, часто вскакивал со стула, бегал по комнате, глядел в окно и проклинал погоду. Несмотря на малосолидную внешность и на то, что его близкие и даже не очень близкие знакомые звали Грегуаром и даже уменьшительно Горчиком, – это был человек очень дельный, воротила N-ского земства и уездный предводитель дворянства. Его любили, а кто и не любил, все равно обойтись без него не могли. Он был человек «передовой», остроумный, мнения свои

выражал открыто, и его остроты порой «прилипали». И все же его прекрасно выбирали каждое трехлетье.

В «Трахтире Вена с горячительными напитками» они съехались случайно. Осень, казалось, установилась ранняя, санный путь встал сразу и даже реки стали быстро и крепко. Но затем вдруг повеял теплый ветер, растопил снег, погнал его ручьями, точно весной, и расквасил дороги. Ехать черноземным немощным «трактом» оказалось невозможно. «Хошь бы на ночь подморозило, – говорили мужики, – утречком и перебрались бы, господи благослови, как ни то, через Мокрый враг»... Но и ночи стояли все такие же: сырой, пронизывающий ветер с дождем или тут же тающим снегом.

Всех спокойнее мирился с задержкой актер. Полная превратностей жизнь приучила его к философии. Он весь день пил чай с плохим трактирным ромом, раскладывал пасьянс или спал. Порой развлекал собеседников анекдотами, которые рассказывал с ленивой полусерьезностью.

Трудно сказать, почему в этой обстановке зашла речь о таланте...

– Ну, что же, черт возьми, – нетерпеливо сказал Грегуар, безнадежно рванувшись опять от окна. – Расскажите вы нам, наконец, о вашей потасовке из-за таланта?..

– Расскажу, – спокойно ленивым баском ответил Илья Андреевич, – но если вы ждете, что это надолго разгонит ваш сплин, то разочаруетесь. Просто, видите ли, дело в одном разговоре, тоже вот, – как и у нас сейчас, – о таланте. Такая уж волнующая тема... Была у нас в труппе актриска одна... Любецкая. В провинции имеет успех.

– Бездарность, – авторитетно сказал поэт.

– Ну, нет... Не скажите, – возразил, оживляясь, Грегуар. – Я ее видел в N-ске... Что-то есть...

– Вот именно, как вы изволили выразиться, что-то... В роли, какую ни дайте, действительно, пожалуй, бездарность... Досада одна. А что-то чувствуется... Особенное этакое, женское...

– Сорокапятiletняя баба... – отозвался опять поэт.

– И сорокапятiletняя, правда. И вот, изволите видеть, – в этом, пожалуй, и вся штука. Ведь привлекает. И не только одних воздыхателей, «поклонников», – эти, как мухи на мед... А и публику, ту, которая нам интереснее, которая дает сбор...

– В чем же, по-вашему, дело?

– По-моему? Дело все-таки... в таланте-с...

– Да ведь сами же вы его отрицаете...

– А вы вникайте... В том-то и дело-с: что такое талант? Разные ведь и таланты бывают. Вот, как-то в Астрахани, в свободный вечер пошел я в цирк. В своем деле собратья тоже, артисты, как и мы грешные. Так там у них молодой человек был. Скачет на спине лошади, затаенный в трико... Между пятками держит шар от бильбоке, а чашку приделал, каналья, к носу. На всем, представьте, скаку поддает шар пятками кверху, а носом ловит...

– Черт знает что! – сказал поэт с видом возмущения.

– Сам видел, – спокойно ответил Илья Андреевич. – И не черт знает что это, а именно талант. Дайте эту задачу гениальнейшему математику: по механике-то пусть он рассчитает... А тот без теорий вероятностей одной этой отгадкой мускулов... делает!.. И посмотрел я в это время на лицо его... Ну, лицо, положим, ничего особенного, а во всей фигуре – легкость, беструдность эта, порыв, восторг, вдохновение... И ведь как захватывает толпу... Дамы, уж не говорю: лавочник поблизости от меня сидел, – толстый, заматерелый за прилавком... Поверите, – весь так и трепещет и устремляется в пространство... Это что значит? А значит это, милостивые государи, психическое воздействие... Да, да! Талант, почти гениальность мускулов. Она бессознательно накоплялась предками этого жонглера в течение многих поколений, как предками Ньютона накоплялась для него способность математических обобщений, как предками Кина – драматическое дарование... Пойдите, Грегуар, не волнуйтесь... потому что

я прав. Что делал Кин: плакал и заставлял плакать толпу... Другой смеется и заставляет смеяться. Ну, а этот летает и... подьмлет, так сказать, за собою несчастных мещан, порабощенных притяжением земли.

Грегуар и поэт засмеялись. Илья Андреевич деловито разбавил холодный чай коньяком.

– Ну, а Любецкая? – спросил Грегуар. – В чем же ее талант? Кого и куда она за собою подьмлет?

Актер посмотрел на него и сказал:

– Вас первого... Да. Признавайтесь: не вы ей в N-ске серебряный сервиз поднесли?... И теперь вот как вас захватило любопытство... Любопытно? Захватывает?

– Что ж... Действительно любопытно, – сказал Грегуар, слегка покраснев. – Нет, не шутя. Я чувствую, что вы правы. Игра, действительно, посредственная. А что-то есть.

– Ну, вот-вот, – сказал Илья Андреевич поощрительно. – И это что-то – есть талант... Пожалуй, даже драматический, хотя не театральный...

– Непонятно...

– Женская драма, настоящая, коренная, сердечная. И женская игра, захватывающая невольно зрителя. Кто это сказал: женщина стара только тогда, когда сама это захочет признать... Ну, а если она женщина настоящая, или скажу по-иному, – если у нее женственность есть преимущественный талант, – так когда же она захочет это признать? Ну, и идет борьба... как это хохлы говорят: піп свое, черт свое. Так и тут: годы свое, женщина свое: не хочу!

– Мало ли что: не хочу, – равнодушно сказал поэт. – Приходится... Много на свете крашенных дур.

– Много-с, это верно. Бездарностей вообще больше, чем талантов. Ну, а талант вот вам: самая эта Любецкая. Вы изволили сказать: сорокапятилетняя баба. Скажу вам, так и быть, по секрету, – сорокавосемилетняя... Сама мне раз призналась: «сорок восемь, голубчик Илья Андреевич, сорок восемь». И заплакала. И так это вышло трогательно, и так она была тогда хороша, что я ей ручки расцеловал... Да, вот и подите! Ведь и знаю, что сорок восемь, а играет она... не на подмостках только, а и в жизни, – восемнадцатилетнюю институточку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.